УДК 327

Анна АЙВАЗЯН

ГРУЗИЯ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МАЛОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос политической субъектности малых стран (на примере Грузии), а также особенности их взаимодействия с глобальными державами. Автор подчёркивает, что за последнее десятилетие в малых государствах Южного Кавказа укрепились собственные представления о национальной идентичности и политических приоритетах. Государственные интересы каждой из этих стран по-прежнему во многом связаны с Россией, однако контекст взаимоотношений изменился, что требует разработки новых механизмов взаимодействия. Предметом исследования послужила современная внешняя политика страны, в разные периоды балансирующая между приоритетом взаимоотношений с Россией и западными странами. Автор указывает, что запрос современных политических элит Грузии выходит за пределы исключительно экономического и политического сотрудничества. В статье сделан вывод о сохранении тенденции к многостороннему сотрудничеству во внешней политике Грузии, несмотря на доминирование европейского вектора развития. Автор считает, что приоритетным направлением российско-грузинских отношений должно стать выстраивание долгосрочных каналов взаимодействия вне зависимости от структурных изменений во внутренней политике Грузии.

Ключевые слова: малые государства, европейская интеграция, ЕС, Россия, Грузия, постсоветское пространство, Южный Кавказ.

Российско-грузинские отношения в последние годы проходят через регулярные периоды обострения, вызванные антироссийскими санкциями в Тбилиси, сохранением конфликтного потенциала вокруг Абхазии и Южной Осетии, нарастанием напряжённости между Россией и ЕС. Исследование внешнеполитической стратегии Грузии служит нескольким целям: формированию более точного представления о мотивах участия страны в европейской интеграции, прогнозированию возможных кризисов во взаимоотношениях России и Грузии, предотвращению нарастания напряжённости в регионе. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении внешней политики Грузии в контексте общих тенденций, характеризующих поведение малых государств. Используемая теоретическая рамка позволяет объяснить

© Айвазян Анна Степановна – научный сотрудник Отдела европейской интеграции Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3. E-mail: anna.ayvazyan@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120208090>

балансирование государства между различными глобальными акторами в разные временные периоды и выявить предпосылки, влияющие на выбор той ли иной стратегии сотрудничества.

Политическая субъектность малых государств

Существуют теоретические и практические предпосылки, формирующие ожидания по поводу поведения небольших стран со слабой экономикой и нестабильной политической системой, находящихся в поиске долгосрочных политических партнёрств. Прежде всего, эти предпосылки обусловлены уязвимостью малых государств и вынужденной ситуацией, в которой им приходится выбирать, с кем из более сильных игроков они хотели бы развивать сотрудничество.

Разделение государств на малые, средние и большие используют международные институты, осуществляющие программы развития. Согласно определению Всемирного банка, малые государства имеют население около 3 млн чел. и слабо развитую экономику. Они уязвимы и подвержены внешним рискам. Эти страны географически отдалены от потенциальных рынков сбыта; их, как правило, характеризует высокий уровень внешнего долга¹. Численность населения Грузии – порядка 3,7 млн чел., уровень бедности – 20,1%, безработицы – 12%, ВВП на душу населения – 4070 долларов². Экономика страны в существенной степени зависит от стабильности поставок энергетических ресурсов, которые в последние годы обеспечены Азербайджаном. Данный фактор снизил риски, связанные с ухудшением российско-грузинских отношений. Основные рынки сбыта грузинской экономики – Турция, Россия и Азербайджан. Каждая из этих стран в той или иной степени претендует на роль регионального лидера. В этих условиях Тбилиси вынужден постоянно маневрировать, избегая возможного политического давления.

С точки зрения неореализма, существуют две возможные стратегии поведения малых стран: балансирование между различными глобальными акторами, либо примыкание к источнику силы. В рамках этой концепции, чем слабее государство, тем более оно склонно к стратегии примыкания. Выбору стратегии примыкания способствует непосредственная близость к сильному государству, а также наращивание им мощи [Walt, 1987]. Соседствующие с Грузией страны – Армения, Азербайджан, Турция – так или иначе активно поддерживают экономические и политические связи как с Россией, так и с ЕС. Они фактически следуют политике балансирования. Грузия – единственная страна в этом окружении, которая уже более десятилетия планомерно движется по пути евро-атлантической интеграции, постепенно отдаляясь от России, вопреки общей региональной тенденции к многовекторности. Исследуя внешнеполитические приоритеты современной Грузии, в особенности грузинские авторы подчёркивают тот факт, что страна отказалась от пророссийского

¹ The World Bank in small states. URL:

<https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview> (дата обращения: 15.10.2019)

² National Statistics Office in Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en> (дата обращения: 09.01.2020)

вектора развития. Несмотря на множество факторов, включая экономическую и политическую зависимость от Москвы, а также риск военной угрозы. Авторы подчёркивают процесс десоветизации и признание России экзистенциальной угрозой в качестве решающих факторов принятия внешнеполитических решений¹. В академических публикациях указывается, что внешняя политика Грузии никак не изменилась после событий 2008 г., хотя наиболее ожидаемым сценарием для большинства экспертов был бы поворот в сторону большего сотрудничества с Россией. Более того, высказывается мнение, что пророссийский вектор позволил бы бывшему президенту Грузии Михаилу Саакашвили укрепить свою власть [Nodia, 2013]. Вместо этого страна пошла по пути модернизации политических институтов по предложенной западными странами модели, обосновывая этим свой внешнеполитический выбор [Gvalia, Siroki, Lebanidze, Iashvili, 2013].

Подобный поворот во внешней политике страны не выглядит обоснованным: выгоды от взаимодействия с ЕС и НАТО трудно достижимы. Полноправное членство в этих организациях для Грузии теоретически открыто, но фактически недоступно. Грузия могла бы служить примером торжества западной политической модели, что, однако, не обеспечивает однозначных гарантий безопасности стране в случае обострения ситуации в Абхазии и Южной Осетии.

В трактовке международных институтов, включая Всемирный банк, основная характеристика малых стран – необходимость во внешнем финансировании. Поскольку доноры заинтересованы в долгосрочном росте уровня жизни в странах-реципиентах и долговременном эффекте от осуществляемых реформ, важным аспектом взаимодействия становится поиск экономических и политических моделей развития: соответствующие предложения нашли отражение в Политике соседства ЕС, программе “Восточное партнёрство”, Соглашении об ассоциации между Грузией и Европейским союзом. Тем не менее взаимодействие Брюсселя и Тбилиси во благо мира, демократизации и экономического благосостояния можно трактовать и как расширение сферы влияния Запада в “спорном пространстве соседства” [Sakwa, 2017]. В первую очередь, такое понимание взаимоотношений ЕС с соседствующими странами объясняет территориальное расширение подобных программ: присоединение каждой отдельной страны свидетельствует о пространственном расширении лагеря сторонников Евросоюза или России и усилении их геополитического влияния.

Следуя логике постсоветской интеграции, некогда заданная Советским Союзом общность – политическая, экономическая, социальная – до сих пор влияет и на будущее этих стран даже в тех случаях, когда политические элиты ее отрицают и идентифицируют себя иначе. “Постсоветский” тогда означает неизбежную необходимость кооперации с Россией как бывшей метрополией и правопреемницей СССР: лишь так может быть обеспечен успешный транзит от советского прошлого к постсоветскому настоящему [Маркедонов, 2017]. Проблематичность такого подхода состоит в том, что “постсоветская интеграция” не определяет векторов и форматов

¹ Kakachia K. (2013) Georgia: identity, foreign policy and the politics of a “Euro-Atlantic orientation”. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/162767/52b05938ffcd3ea8b9c6d499e1515b35.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

взаимодействия, в то время как бывшие страны Советского Союза развиваются по расходящимся траекториям. С другой стороны, у грузинской государственности традиционно много отсылок к автономности Грузии, грузинской идентичности и её самобытности. Современная политическая элита Грузии пытается разорвать связь с прошлым и определить свое уникальное место в регионе, который оказался политически и социально раздроблен после распада СССР. Идея постсоветской интеграции не отвечает на этот запрос.

Наравне с межгосударственными отношениями, в научную повестку включён вопрос взаимодействия национальных элит, их социализации, солидарности по определённым вопросам строительства национальной государственности и расхождения по другим аспектам отношений [Рябов, 2018]. Тогда на выбор того или иного внешнего союзника влияет внутренняя политическая ситуация в стране, борьба различных политических сил. С этой точки зрения, внешняя политика служит целям утверждения своей суверенности, способности так или иначе самим определять свою внутреннюю и внешнюю политику.

Поиск ценностной основы взаимодействия

Развитие стратегических партнёрств с Россией и западными игроками – основная характеристика внешней политики стран Южного Кавказа. Однако усиление напряжённости между Россией и ЕС принуждает государства к выбору: в этих обстоятельствах не всем из них удастся сохранять неконфликтный диалог о сотрудничестве. С одной стороны, это вызов дипломатии страны, которая должна самостоятельно разработать механизмы согласования интересов разных сторон. К тому же, можно наблюдать, что в странах Южного Кавказа в условиях политической нестабильности и нарастающей конкуренции правящим партиям приходится регулярно вступать в диалог с оппозицией и электоратом, обосновывая свой выбор.

Запрос, исходящий от политических элит соседствующих с Россией и ЕС стран, стал шире прагматических аспектов экономического и политического взаимодействия. Стали актуальными вопросы формирования национальной идентичности и ценностные аспекты; к власти приходят новые политические элиты, стремящиеся сформировать новый образ страны. В этой ситуации партнёрство с Западом послужило стимулом к обсуждению основ грузинского государства, пересмотру устоявшихся связей и формированию собственной стратегии вхождения в международное сообщество через европейские институты.

Процесс выстраивания взаимоотношений с Западом сопровождался поиском идентичности. После краха коммунистической идеологии Грузия испытала на себе влияние националистических настроений. Стало важным обсуждение того, что значит быть грузином. Эта дискуссия поддерживалась на высоком политическом уровне. Так, М. Саакашвили в конце второго президентского срока выступил с заявлением о том, что грузинская история не должна иметь ничего общего с деструктивным коммунистическим прошлым, а грузинская нация принадлежит европейской семье¹.

¹ Президент Грузии Михаил Саакашвили. Выступления и объявления. URL: <http://www.saakashviliarchive.info/ru/PressOffice/News/SpeechesAndStatements?p=8508&i=1>

Вопрос идентичности критичен и в коммуникации с Абхазией и Южной Осетией. От представителей правящей партии “Грузинская мечта” звучали заявления о том, что абхазы, осетины должны жить в европейской Грузии, где они смогут сохранить свой язык, культуру и самобытность¹. Разговор об идентичности неизбежно касается исторического прошлого, роли грузин в Российской империи. В этой связи важно формирование позитивного дискурса, который бы обозначил образ будущего и основывался на общих, разделяемых грузинским и российским народом ценностях.

Малые страны, Грузия в их числе, вынуждают крупные державы обосновывать легитимность мирового порядка, его полезность и справедливость [Кавешников, 2008]. Иностранные исследователи, изучающие роль демократических норм в проекте Политики соседства ЕС, склонны рассматривать Россию как актора, проецирующего определённые цивилизационные ценности, в том числе несогласие с либеральным нормативным дискурсом [Oskanian, 2018]. Напротив, нормы, транслируемые Россией – государствоцентричность, невмешательство во внутренние дела [Kornilov, Makarychev, 2014], суверенная демократия, принадлежность к “русскому миру” [Nuryiev, 2015], – по мнению авторов, противоречат ценностям, фиксируемым ЕС в соглашениях со странами-партнёрами. Формализация политических норм, когда следование им становится основным критерием предоставления финансовых ресурсов, вынуждает соседствующие страны доказывать свою привлекательность. Когда сотрудничество с Россией противопоставлено европейской политической модели, возрастает значимость формулирования обоснованной позиции российской стороны о ценностных основах сотрудничества России со своими соседями.

Глобальная стратегия внешней политики ЕС формально фиксирует возрастающий прагматизм в отношениях с соседними странами. Это обстоятельство представляет шанс для развития взаимоотношений с Россией: когда ЕС более явно обозначает свои прагматические интересы, пространство для диалога Грузии с Россией и Евразийским экономическим союзом расширяется [Gromyko, 2018].

Диверсификация экономики

В целом, поворот Тбилиси в сторону Запада в различных сферах, включая экономическую, произошёл задолго до “революции роз”. К концу 1999 г. Грузия присоединилась к соглашению между Азербайджаном и Турцией о транспортировке нефти через территории Азербайджана, Грузии и Турции по трубопроводу “Баку – Тбилиси – Джейхан”². Проект сыграл важную роль в диверсификации поставок энергоресурсов в ЕС.

(дата обращения: 15.10.2019)

¹ Абхазия и Южная Осетия отказываются от предложенных им властями Грузии автономий. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/251493/> (дата обращения: 15.10.2019)

² British Petroleum official web-site. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/country-sites/en_ge/georgia/home/legalagreements/btcagmt4.pdf (дата обращения: 26.01.2020)

В 2014 г. Грузия подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, которое вступило в силу с 2016 г.¹ В Соглашении об ассоциации закреплён приоритет внутренних демократических реформ, мирного решения конфликтов, развития диалога в сфере безопасности, регионального сотрудничества. Во всех этих сферах Грузия хотела бы сотрудничать с ЕС. В свою очередь, Евросоюз готов предоставлять не только консультационную помощь, но и финансовые средства для достижения поставленных задач². Этот важнейший шаг для страны обозначил также отказ Грузии от участия в проекте евразийской интеграции, инициированном Россией. Фактически, шанс вступления в Евразийский экономический союз может быть реализован лишь в случае особой договорённости между ЕС и ЕАЭС, что представляется маловероятным.

Значительная часть грузино-европейских отношений – прямая макрофинансовая помощь и кредиты Грузии. В рамках программы в период с 2017 по 2020 гг. ЕС планирует предоставить Грузии до 45 млн евро, а 134 млн евро будут выделены на реформы в сферах управления государственными финансами, на обеспечение верховенства закона и дальнейшую подготовку к имплементации Соглашения об ассоциации. Результатами подписания Соглашения об ассоциации стала отмена виз для граждан Грузии (случай краткосрочных визитов в ЕС) с марта 2017 г., а также гармонизация стандартов в торговой сфере и устранение технических барьеров к торговле³. Эффект от реформ будет замечен в долгосрочной перспективе, а пока Грузия проходит через этап становления демократической системы правления и открытой рыночной системы.

Гипотетическое присоединение Грузии к ЕАЭС способствовало бы расширению рынка сбыта, упрощению условий найма на работу грузинских мигрантов. Грузия и Россия имеют общую границу, поэтому именно через территорию Грузии товары из Армении (члена ЕАЭС) поступают на российскую территорию. Несмотря на негативный политический контекст, экономические отношения двух стран в последние годы продолжали развиваться: экспорт из Грузии вырос с отметки 206 млн долл. в 2016 г. до 396 млн долл. в 2017 г. и 436 млн долл. в 2018 г. Показатели импорта из России также росли: в 2016 г. они исчислялись 675 млн долл., в 2017 г. – 786 млн долл., в 2018 г. – 934 млн долл. Несмотря на то что доля ЕС и стран СНГ в импорте в период с января по июнь 2019 г. отличалась незначительно, составляя 25,9 и 26,6% соответственно, грузинский экспорт до сих пор ориентирован на рынок СНГ: за тот же период доля стран ЕС в экспорте страны

¹ Association agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830\(02\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/PDF/?uri=CELEX:22014A0830(02)) (дата обращения: 27.01.2020)

² Official Journal of the European Union. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/association_agreement.pdf (дата обращения: 05.11.2019)

³ Association implementation report on Georgia. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/2019_association_implementation_report_georgia.pdf (дата обращения: 27.01.2020)

В 1999 г. на стамбульском саммите ОБСЕ было принято соглашение о сокращении российских вооружений и снаряжения в Грузии¹. В соглашении РФ представлена как важный посредник в решении конфликта. Так, в стамбульском документе 1999 г. возлагаются надежды на подписание между Россией и Грузией соглашения о взаимодействии в экономическом восстановлении в зоне грузино-осетинского конфликта, которое действительно было подписано в 2001 г.

С другой стороны, уже тогда осуществлялся поиск возможностей сотрудничества с другими глобальными игроками. Такую политику обусловили несколько факторов: появление новых возможностей союзничества и интеграции с западными странами, усиление восприятия “российской угрозы” в виде поддержки Россией регионов Абхазии и Южной Осетии.

С приходом к власти Саакашвили и после кризиса 2008 г. в Абхазии и Южной Осетии в грузинской политической риторике Россия всё чаще фигурирует как источник угроз. В своих выступлениях президент Грузии придерживался отчётливой антироссийской позиции: в них Москву была названа врагом, захватившим грузинские территории, звучало обвинение в адрес Российской империи в том, что она рассорила кавказские народы друг с другом². Указанный тренд усилился, несмотря на неясные перспективы вступления в ЕС и НАТО.

Соглашение об ассоциации с ЕС, подписанное в 2014 г., также подразумевает принятие Грузией некоторых позиций ЕС во внешней политике, что, однако, никак не свидетельствует о росте её вовлечения в обсуждение внешнеполитических вопросов внутри союза. Так, отчёт по имплементации Соглашения об ассоциации в 2018 г. свидетельствует о том, что Грузия согласовала свою позицию с 31 из 58 деклараций ЕС и решений Европейского совета, к которым она была приглашена присоединиться³. Отчёт не уточняет, каких именно вопросов касаются декларации. Вместе с тем ЕС продолжает в официальных документах рассматривать ситуацию в Абхазии и Южной Осетии как конфликт между Россией и Грузией, что противоречит видению российской стороны, признающей Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств. Это – ключевое в грузино-российских отношениях расхождение препятствует взаимовыгодному сотрудничеству и интеграции Грузии в региональные проекты, инициированные Россией.

Ситуация в сфере региональной безопасности в странах Южного Кавказа изменчива и нестабильна. Властные элиты конкурируют между собой и сменяют друг друга. В Грузии 2019 г. стал годом политического кризиса правящей партии “Гру-

1%D0%BA%D0%B8%D1%85+%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 30.01.2020)

¹ OSCE. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39573?download=true> (дата обращения: 26.01.2020)

² Президент Грузии Микheil Саакашвили. Выступления и объявления. URL: <http://www.saakashviliarchive.info/ru/PressOffice/News/SpeechesAndStatements?p=8215&i=2> (дата обращения: 15.10.2019).

³ Там же.

зинская мечта – демократическая Грузия”, которая потеряла конституционное большинство и привела страну в тупик, не найдя консенсуса по поводу реформы избирательной системы и досрочных выборов парламента. Учитывая сложившуюся ситуацию, в 2020 г. вероятен приход к власти новых политических сил, что может отразиться и на российско-грузинских взаимоотношениях. Важной задачей остаётся их стабилизация вне зависимости от того, кто будет находиться у руля управления и как будет развиваться ситуация в стране.

Фактор российско-грузинских отношений нередко используется политическими силами для манипуляций во внутривнутриполитической борьбе. Наглядным примером служит кризис летом 2019 г., когда оппозиция обвинила правящую партию в допуске российского депутата в грузинский парламент. Последовавшие протесты нанесли очередной репутационный урон “Грузинской мечте”, осенью партию начали покидать депутаты, не желающие ассоциировать себя с многочисленными политическими провалами. Россия, в свою очередь, отреагировала временным запретом авиасообщения между странами, посчитав создавшуюся ситуацию угрозой безопасности российских граждан.

Несмотря на очевидный прозападный вектор внешней политики Грузии, исследования общественного мнения демонстрируют важность добрососедских отношений с Россией. Опрос 2016 года показал, что 52% населения Грузии поддерживают идею прозападной внешней политики при сохранении отношений с Россией, 16% опрошенных высказались в поддержку пророссийской политики с сохранением дружественных отношений с ЕС и НАТО¹. Учитывая долговременные исторические связи Москвы и Тбилиси, контакты между населением двух стран, владение частью грузинского населения русским языком, представляется приоритетным развитие культурных, гуманитарных, образовательных инициатив, которые бы способствовали более позитивному восприятию РФ в регионе.

Указанный аспект взаимоотношений в особенности важен в свете противостояния России и западных стран. В декабре 2019 г. парламентская ассамблея “Евронест” приняла резолюцию о будущем программы “Восточное партнёрство” и создании “Стратегии Трио Плюс 2030”. Эта резолюция определяет “Восточное партнёрство” как геополитический проект, направленный в том числе на борьбу с “кремлевской агрессией” в отношении третьих стран, включая Грузию². Несмотря на разногласия по поводу статуса Абхазии и Южной Осетии России необходимо планомерно выстраивать и сохранять все существующие каналы коммуникации не только на политическом уровне, но и между населением, бизнесом, общественными организациями.

¹ Georgia between the EU and Russia: the Dynamic of Public Opinion URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/80-88.pdf (дата обращения: 09.01.2020)

² Парламентская ассамблея “Евронест”. URL: http://www.epgencms.europarl.europa.eu/cmsdata/upload/4c3d9d11-87fe-4854-b288-8af67326b5d5/NEST_8th_urgency_resolution_RU.pdf (дата обращения: 20.12.2019)

* * *

Грузия, как и другие малые государства региона, стремится выстраивать многосторонние связи. Важными для страны направлениями остаются участие в региональных энергетических проектах и взаимодействие с Азербайджаном и Турцией, развитие взаимоотношений с Китаем. Тенденция к многостороннему сотрудничеству в долгосрочной перспективе сохранит ключевое значение. При этом у власти в Грузии могут оказаться политические силы, чьи внешнеполитические приоритеты могут быть направлены как в сторону большего взаимодействия с Москвой, так и на сокращение сотрудничества.

Россия занимает второе по значимости место во внешнеторговом обороте страны, сохраняется двусторонний интерес к торговле, поддержке российского бизнеса в Грузии. Несмотря на негативный политический контекст, опросы общественного мнения указывают на одобрение населением сбалансированной внешней политики. Грузия фактически является одним из главных транспортных коридоров для Армении (члена ЕАЭС). Следовательно, стабильные взаимоотношения с Грузией имеют важное значение для обеспечения беспрепятственного товаропотока внутри Союза.

ЕС – основной донор широкого спектра политических реформ, в том числе в части вопросов обеспечения верховенства права, прозрачной избирательной системы, перехода к парламентской форме правления, управления государственными финансами и др. Вместе с тем актуальная корзина предложений не подразумевает членства Грузии в ЕС, а набор ощутимых выгод исчерпаем. Ключевую роль в политической ассоциации Грузии и ЕС играет разделяемая сторонами позиция по вопросам статуса Абхазии и Южной Осетии. В отсутствие взаимопонимания с Россией усиливается фрагментация региона и его конфликтный потенциал. В этом контексте важно сохранение и развитие существующих каналов диалога и взаимодействия между Тбилиси и Москвой.

Список литературы

- Завьялова Е. (2014) “Взаимодействие России и Грузии в сфере экономики” в кн.: Кизикурашвили Н.В., Елисеев А.М. (ред.) *Россия-Грузия: ключевые направления взаимоотношений*, Российский совет по международным делам, Москва, Россия, с. 55–67.
- Кавешников Н. Ю. (2008) Малые и вредные? *Международные процессы*, т. 6, № 3 (18), с. 84–92.
- Маркедонов С.М. (2017) Постсоветское пространство: распад или сохранение? *Вестник РГГУ*, Серия: Политология. История. Международные отношения, № 8, с. 9–16.
- Рябов А.В. (2018) *Постсоветское пространство: факторы и циклы развития. Россия и новые государства Евразии*, № 3, с. 67–82.

References

- Gromyko A. (2018) Political Landscape of Europe. The Spectre of Geopolitical Solitude, in *The EU and Russia: the way out or the way down?* Ed. by Olga Potemkina, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Egmont – The Royal Institute for International Relations, pp. 7–14.
- Kaveshnikov N. Yu. (2008) *Malye i vrednye? Mezhdunarodnye processy*, vol. 6, № 3 (18), pp. 84–92.

- Markedonov S.M. (2017) Postsovetskoe prostranstvo: raspad ili sohranenie?, *Vestnik RGGU, Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, № 8, pp. 9–16.
- Ryabov A.V. (2018) *Postsovetskoe prostranstvo: faktory i cikly razvitiya. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 3, pp. 67–82.
- Kornilov A., Makarychev A. (2014) “Russia’s Soft Power in the South Caucasus: Discourses, Communication, Hegemony”, in: Agadjanian A., Jödicke A., Zweerde E. (eds.) *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*, pp. 238–254.
- Nuriyev E. (2015) Russia, the EU and the South Caucasus: Forging an Efficient Over-Arching Cooperative Regional Security Scheme, *Connections*, vol. 14, no. 2, pp. 51–64.
- Nodia G. (2013) “Divergent Interests: What Can and Cannot be Achieved in Georgia-Russian Relations”, in: Kakachia K., Cecire M. (eds.) *Georgian foreign policy: the quest for sustainable security*, pp. 97–111.
- Oskanian K. (2018) A Very Ambiguous Empire: Russia’s Hybrid Exceptionalism, *Europe-Asia Studies*, 70:1, pp. 26–52.
- Sakwa R. (2017) *The Ukraine Syndrome and Europe: Between Norms and Space. The Soviet and Post-Soviet Review*, 44(1), pp. 9–31.
- Walt S. (1987) *The Origins of Alliances*, Cornell University Press.
- Nav'jalova E. (2014) “Vzaimodejstvie Rossii i Gruzii v sfere jekonomiki”, in: Kizikurashvili N.V., Eliseev A.M. (eds.) *Rossija-Gruzija: kljuchevye napravlenija vzaimootnoshenij, Rossijskij sovet po mezhdunarodnyj delam*, Moscow, Russia, pp. 55–67.

Georgia: A Smaller State’s Foreign Policy

Author: Ayvazyan A., Research fellow, Department of European Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya st. Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** anna.ayvazyan@gmail.com

Abstract. During the last decades countries of the South Caucasus region have developed their own perception of political priorities, national identity. State interests of each of these countries are still to a large extent connected to Russia, but the context of relationship has changed, which requires new mechanisms of cooperation. The article explores the issue of political actorness of smaller states and peculiar features of their relation with global actors. It is concluded that the demand of political elites has grown beyond economic and political interests. The subject of research is contemporary foreign policy of Georgia that, through different time periods, has been balancing between priority of cooperation with Russia and Western countries. Despite the dominant Western direction in Georgia’s development, the argument is put forward that the trend for multi-vector policy will persist. The priority dimension for Russia should be creation and preservation of sustainable long-term channels of cooperation that would not depend on internal structural changes in Georgia.

Key words: smaller states, European integration, Georgia, Russia, European Union, balancing, South Caucasus.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120208090>